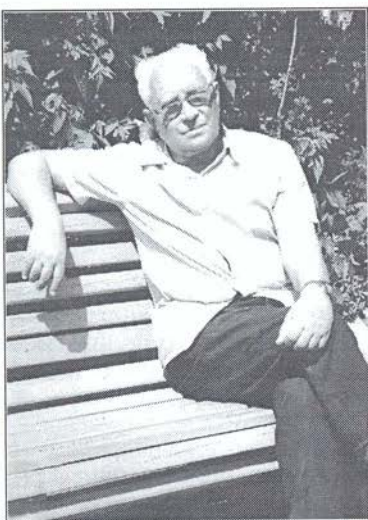

Аркадий Троепольский

Когда ты нужен

Детство и юность писателя-публициста Аркадия Аркадьевича Троепольского прошли на ульяновской земле. В 1941 году, в 16-летнем возрасте, он начал работать на заводе "Металлист". Был награжден медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне" 1941-1945 годов". В 1944 году в результате аварии в цехе Аркадий получил ожог глаз и стал инвалидом. Лишившись зрения, он мужественно отстаивал свое право на деятельную жизнь, на творчество. В 1954 году окончил историко-филологический факультет Казанского университета, работал на телестудии, зав. отделом газеты, печатался в журналах. Член Союза журналистов СССР, лауреат литературной премии имени писателя Шамиля Бикчурина.

На крутом берегу

В Ульяновске наша семья обосновалась в 1935 году. Мне было 10 лет, брату Борису пять. От города на крутом берегу остались с той далекой поры воспоминания о двух красочных зрелищах – огромный фруктовый сад, окутывающий по весне бело-розовым туманом крутогорье от самого верха (Венца) до облизываемого волнами берега, и величавый собор на площади, воспаривший над волжским простором и видный отовсюду. Потом собор снесли, а сад погиб в лютые военные зимы. Но это случилось потом. Если придерживаться хронологии, то следует поведать, почему четверо Троепольских оказались на родине Ильича. И тут без рассказа о родителях не обойтись.

Наш с Борисом отец, Аркадий Михайлович, родился на Брянщине в семье священника; в 16 лет, имея пять классов гимназии, начал трудовой путь письмоводителем в лесничестве, был избран в руководство комсомольской ячейки, окончил курсы шкрабов (школьных работников), работал учи-

телем, затем директором школы. Сотрудничал с газетой "Брянский рабочий", что определило его дальнейшую судьбу.

Мама, Елена Павловна, выросла в семье банковского служащего, в строю гимназисток встречала на Брянском вокзале последнего российского царя Николая, после революции работала воспитательницей в колонии для беспризорников, затем учительствовала в школах, где директором был отец.

В 1928 году семья перебирается в Самару, отец становится репортером газеты "Средне-Волжский комсомолец". Смешение эпох: мама по приказу директора гимназии встречала с подругами на вокзале царя, а отец по заданию редакции на пароходе встречался с Максимом Горьким, когда великий пролетарский писатель совершал путешествие по матушке-Волге.

Они были очень разные, наши родители. Отец – высокий, широкоплечий, остроумный собеседник, заводила и организатор (он, кстати, оказался первым руководителем старшего

в Самаре литературного объединения, созданного при заводе им. Масленникова; об этом мы узнали, получив от родственника номер еженедельника "Самарская неделя" от 18.02.94). К отцу, человеку общительному и открытому, всегда тянулись люди творческие, журналисты, писатели, поэты. И везде, где бы мы ни жили, в нашей комнате былолюдно и шумно, читались и горячо обсуждались проза и стихи, до хрипоты спорили о кинофильмах и спектаклях. Отец быстро обрстал друзьями. Родство душ у этих людей было таково, что некоторые из друзей, не желая расставаться со Стариком (так уважительно звали его между собой), даже переезжали за ним из города в город.

Мама, маленькая и хрупкая на вид женщина, спокойно воспринимала постоянное нашествие непризнанных гениев советской литературы, как-то и чем-то кормила всегда голодных гостей, вела домашнее хозяйство, что по тем временам было делом весьма непростым, воспитывала сыновей и даже успевала в такой суматохе мно-

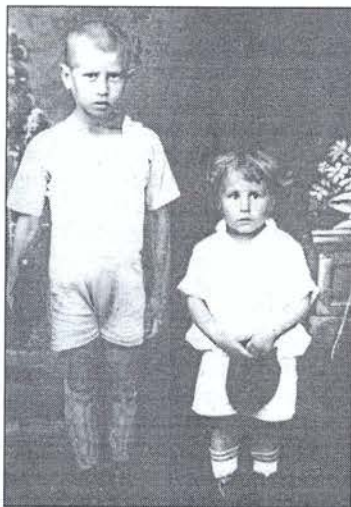
го читать. Она была первой читательницей рассказов и повестей, написанных отцом, он полностью доверял ее вкусу и учитывал сделанные им замечания. Если к отцу люди шли в основном проконсультироваться по литературным делам и подискутировать, то к маме приходили поплакаться в жилетку, поговорить по душам, посоветоваться. Так жили наши родители — голодно, но весело, открыто и интересно.

А моя жизнь складывалась не ахти. В три года заболел воспалением среднего уха. В селе медиков не было, отец в длительной командировке. Когда я стал синеть, метаться в бреду, мама кинулась по избам, умоляла помочь. Старик-крестьянин запряг лошадь в сани. Всю ночь в трескучий мороз меня, завернутого в тулуп, везли в больницу. Едва взглянув, врач понес меня в операционную, без наркоза долотом проломил кость за ухом, откачал гной. Потом я спрашивал у мамы: "Почему дядя доктор бил меня молотком по голове?" Жизнь спасли, но слух полностью не восстановился. Круто обошлась судьба со мной и в Самаре. Пьяный мужчина пытался поймать в подъезде, ведущем во двор, я еле увернулся, весь в слезах прибежал к маме и с этого момента стал заикой. И школа оказалась для меня настоящей каторгой. Чем громче надо мной смеялись в классе, тем сильнее я заикался. Никогда не поднимал руки, а вызовы к доске становились сущим мучением. Затем врачи обнаружили у меня туберкулез легких и посоветовали сменить пыльную, грязную Самару на местность, где есть сосновый бор. Отец нашел такое место, мы переехали в зеленый и уютный центр Мелекесса, где уже известного журналиста и писателя охотно приняли на работу в редакцию газеты "Власть труда". Мелекесский сосновый бор и парное молоко сделали свое дело, легкие мои зарубцевались. Руки у отца развязаны, и он перевез семью в Ульяновск, где стал вторым лицом в редакции областной газеты "Пролетарский путь".

Первое время по приезду в Ульяновск мы жили в гостинице на площади. В этом же здании располагался драматический театр. Затем отцу дали ордер на комнату в коммуналке, и у нас появился первый ульяновский адрес — улица Радищева, дом 30, квартира 6. Этот двухэтажный дом стоял внутри двора, имел два входа — парадный и со стороны общей кухни. Дрова жидельцы хранили в каменном сарае в индивидуальных клетушках. Во дворе же располагались "удобства",

А.А. Троепольский с матерью, Еленой Павловной.

Аркадий и Борис Троепольские.

Аркадий Михайлович Троепольский.

то бишь, туалет. В нашей комнате имелась круглая печь, единственное нестандартных размеров окно выходило в сад, где напротив окна росло огромное грушевое дерево. Сад считался общим, в нем росло много всякого, яблоки и прочие фрукты рассыпали на полу в коридорчике, там они хранились почти до нового года.

Из дворовых и уличных приятелей мне больше нравилось дружить с Гогой Маловым. Это, как теперь понимаю, был настоящий ульяновский Гаврош — сильный до отчаянности паренек с крепкими кулаками, которые ему нередко приходилось пускать в ход, поскольку Гога был страстным голубятником и часто отыскивал своих разноперых красавцев в чужих дворах. Все больше крепла наша дружба с Юрой Никольским, с которым довелось познакомиться еще в Мелекессе, где наши дома стояли по соседству. В отличие от Маловых — простых работников — Никольские являлись интеллигентами, отец Юры преподавал в педагогическом институте, мать была школьной учительницей. К Никольским, жившим на параллельной улице Водников, я добирался напрямую, перемахивая через заборы, разделявшие два сада. Отец и сын были любителями рыбной ловли на удочку, часто брали меня с собой на Волгу.

Удивительным образом мне удалось избавиться от заикания. В начале 1937 года мама стала работать в главной библиотеке города — Дворце книги. Библиотека закрывалась в 8 часов вечера. Поскольку отец редко бывал дома, уезжая в командировки для сбора материала в сельских районах, я взял на себя обязанность провожать маму домой после работы. Приходил в библиотеку пораньше, подолгу бродил среди полок, гадая, какая книга поинтересней. Жюль Верн, Майн Рид, Луи Бусинар, "Таинственный остров", "Всадник без головы", "Капитан Сорви-голова" — дух от всего этого захватывало. Выбирал книгу, усаживался в кресло и погружался в мир, полный приключений и подвигов. Но вот мама кладет руку на плечо, кивает на часы. И с огромным сожалением закрываешь книгу, ставишь на полку. По дороге домой, шагая по ночным улицам, разговариваем. Мама расспрашивает, что сегодня понравилось из прочитанного. Как-то ребята спросили: "Куда уходишь по вечерам?" — "Читаю книги в библиотеке". — "Интересные?" — "Очень, оторваться не могу". — "Расскажи что-нибудь".

И я стал рассказывать. Набегавшись и наигравшись, усаживались на

каменное, не успевшее остыть от жаркого солнца крыльцо, я начинал говорить, ребята молча слушали. Иногда подходили родители, чтобы забрать сына домой, и тоже присаживались послушать. И я стал замечать, что говорю все свободнее, увереннее. Так постепенно и освободился от заикания. Этот недуг напоминает о себе только когда разволнуюсь.

1937-й роковой

За отцом приходили две ночи подряд. В назначенный срок из командировки он не вернулся, задержали дела. Когда приехал, встревоженная мама рассказала о ночных визитах. Отец помолчал, потом спокойно сказал: «Собери бельишко. По дороге зайду к энквэдашникам, узнаю, зачем я им понадобился. Потом помоюсь в бане». В чемоданчик, с которым отец ездил в командировки, мама уложила белье, полотенце, мыло, мочалку. Отец оделся и ушел. Навсегда. Придя из школы, я торкнулся в дверь, она была заперта изнутри. Я постучал. Дверь приоткрылась, выглянула мама, лицо бледное, непривычно напряженное. Она взяла у меня портфель, быстро прошептала: «Погуляй во дворе. Можешь погулять подольше». И захлопнула дверь. Но я успел заметить, что по комнате ходят какие-то незнакомые люди, а на полу в беспорядке валяются книги, бумаги, фотографии. Это был обыск.

1937 год начинался для родителей лучше некуда. Мама устроилась библиотекарем во Дворец книги. Отец стал кандидатом в члены Союза писателей СССР. Произведения Аркадия Троепольского часто появляются в газетах и журналах. В Куйбышевском издательстве вышел сборник рассказов и повестей «Черемшан» (когда жили в Мелекесе, отец любил рыбачить на этой речке). Пьесу отца «Орден» принял к постановке Ульяновский драматический театр. И в одночасье все рухнуло — отца арестовали, и он исчез в недрах гигантской мясорубки. Мама, обив пороги множества кабинетов, так и не смогла отыскать его след. Маму немедленно выгнали из Дворца книги, не указав в трудовой книжке причину увольнения. И без того было понятно — жена врага народа не может работать в учреждении, призванном воспитывать советских людей в духе преданности вождю и партии. В школе я слышал за спиной змеиный шепот: «Отец-то у него вон кто оказался...». Правда, шептуну вскоре приутило — таких, как я, сыновей и дочерей врагов народа, с каждой ночью становилось все больше.

А.А. Троепольский.

Семья бедствовала и голодала. Мама билась как рыба об лед, вынуждена была обратиться за помощью к родственникам. Те не отказали в поддержке — из Ордженикидзеграда пошли денежные переводы от мамино-го брата дяди Васи, поступали посылки из Москвы от сестер Насти и Веры, наконец, через знакомых удалось устроить маму в библиотеку краеведческого музея на мизерную зарплату, но с удобным расположением рабочего места — в подвале, подальше от бдительных посторонних глаз, поскольку стало известно, что жен «врагов народа» тоже сажают со стандартным сроком 8 лет лагерей, а детей отправляют в детдома. В это время я, как на грех, заболел футболом. Впрочем, как и весь город. Тогда весьма остро соперничали между собой городские футбольные команды с заводской заводской. Сражения проходили на стадионе «Спартак», который был построен рядом с электростанци-

ей. На стадион мы проникали различными путями, неистово поддерживали, естественно, своих, «городских». И как же завидовали тем мальчишкам, которые сопровождали до раздевалки наших кумиров, неся с благоговением их чемоданчики со спортивной формой и бутсами! Не менее страстно проходили матчи рангом пониже, когда на Венце выясняли отношения постоянные соперники — уличные команды с Мартышки (прежнее название улицы Радищева) и Татарской слободы. Хотя я был моложе всех и ростом не отличался, меня включали в команду на такие игры, поскольку слыл цепким защитником и пройти к воротам через мой край форвардам соперников удавалось нечасто. Главной проблемой для меня тогда была обувь. После каждой игры ботинки приходилось буквально опутывать проволокой. Если в таких «бутсах» с грехом пополам еще можно было выходить на футбольное поле, то в школе в них появиться было невозможно. И как же я был благодарен московским тетям, когда перед началом учебного года приходила посылка из столицы, и в ящике оказывались бесподобно сверкающие черным лаком изделия знаменитой фабрики «Скорход»!..

Грянула финская война. Запомнилась она огромными очередями за хлебом. Придя из школы, мы бежали занимать очередь, каждому на ладони химическим карандашом писали порядковый номер, потом часами под фонарем играли самодельными клюшками в хоккей с мячом, пока из-за угла не появлялся заветный фургон; очередь мгновенно распухала и начинала колышаться, словно огромный червяк, наиболее нахальные парни штурмовали прилавки, не обращая внимания на крики и вопли тех, кто боялся остаться без лимитной буханки.

Все чаще я стал бывать у Никольских. Юра тогда увлекался рисованием, показывал рисунки, рассказывали друг другу о прочитанных книгах, играли в шахматы. И меня всегда оставляли пообедать. За столом я старался сдерживать себя, делать вид, что не голоден. Но замечал, как понимающе переглядывались родители друга, и это вгоняло меня в краску.

Багровый рассвет

В мае 41-го я заканчивал восьмой класс. Всю ночь готовился к экзамену, заснул под утро. Проснулся, в комнате пусто, мама ушла на работу, брат убежал по своим делам. По часам вышло, что успею позавтракать. Однако ни в комнате, ни на кухне ничего съестного не нашел. Так голод-

А.А. Троепольский с братом Борисом.

ным и злым отправился в школу писать сочинение на тему "Кто сегодня герой нашего времени?". Весь тот майский день ждали маму. Она заняла у кого-то денег и принесла кулек пшена. Сидели втроем перед печкой, подкладывали щепки и молча смотрели, как огненные язычки облизывают чугунок. И вот по комнате начинает распространяться аромат, щекощущий ноздри. Мама достает миски, раскладывает кашу и смотрит, как мы работаем ложками. Глаза ее подозрительно блестят, я стараюсь не смотреть в ее сторону...

Приятеля во главе с Гогой позвали меня на рыбалку с ночевой. Мама непреклонна: не пущу. Так уже было не раз. Ребята недоумевают, почему меня не отпускают порыбачить, что может случиться на воде с хорошо плавающим парнем. Я понимаю: оставшись без мужа, мама смертельно боится потерять сына, но выглядет в глазах друзей маменькиным сыночком... Мне уже 16 лет, я настаиваю на своем, и мама сдается.

Место для рыбалки облюбовано давно. Остров, покрытый чистейшим песком и заросший тальником, делит Волгу на два рукава. Среди кустов поблескивает мелкий ручеек, вода в нем прозрачная, и видно, как по рифленому дну, словно по стиральной доске, течение протаскивает чешуйчатую мелюзгу. Она, не успевая опомниться, становится легкой добычей зубастых хищников, поджидающих мальков на большой воде. Всего несколько заходов — и рыбу уже девать некуда. И вот сушится на кустах бредень, в наступающих сумерках весело разгорается костер, в повисшем на рогульках ведре закипает заправленная по всем рыбацким правилам уха. Ночь кончается. Я ухожу от костра далеко в глубь острова. Вокруг ни души, нет ни одного человеческого следа на продутом ветрами песке. Стою и смотрю, как все гуще багровеет небо. Вот из-за горизонта сверкнули первые лучи, скользнули по листве, забликовали на водной глади. Птицы с шумом принялись перелетать с куста на куст. Жадно смотрю на это буйство света и красок, возмевшее наступление нового дня.

А в этот час, в эти вот минуты, за тысячи километров от островка посреди Волги, человек с челкой на лбу и с щеточкой усов, по фамилии Гитлер, уже решил все за меня и определил мою судьбу и судьбы миллионов других людей. В этот самый час, когда я стоял в тальнике и любовался рассветом, танки с крестами на боках давили пограничные столбы, сметали шлагбаумы и мча-

лись по нашим дорогам.

Ребята уже проснулись. Раздевшись донага, с разбегу поныряли в поднятые пароходом волны, бороздя их, словно живые торпеды. С наслаждением поплавали в чистой воде. Обсохли на пустынном пляже. Доели уху, по-братски разделили богатый улов и вернулись в город.

На крыльце дома Маловых играли в "подкидного". В открытую дверь позвали: "Идите слушать радио. Будет какое-то важное сообщение". Уселись на заваulinke. Гога выставил в окно черную тарелку репродуктора. "Говорит Москва. Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза". Молотов сообщил, что фашистская Германия вероломно напала на СССР. Тихая воскресная улица мгновенно ожила, люди перебежали из дома в дом, шумно переговаривались. Молодежь похвалялась: "Покажем немчуре, где раки зимуют". Старики качали головой: "Нет, ребята, дело будет серьезное..."

Следующим утром опять собрались у Гоги. Обсуждали ситуацию. "На фронт нас не возьмут — годами не вышли. Но что-то делать надо". И гурьбой пошли в школу. Нас встретили с распростертыми объятиями. "Бегите домой, соберите вещи. Поедете в совхоз. Там всех механизаторов забрали в армию".

Действительно, в совхозе из механизаторов остался только бригадир, неразговорчивый мужчина в годах. Подвел нас к трактору, кратко объяснил, что к чему. Каждый из мальчишек получил по машине. Это были старенькие колесные тракторы, латанные-перелатанные, нам же они казались чудом техники. Предстояло пахать землю под озимые. Ни заводить двигатели рукояткой, ни заправлять в бак топливо мы не могли из-за нехватки силе-

нок и пожароопасности. Все это делал сам бригадир. Он сидел на опушке леса и наблюдал за нами, готовый в любую минуту прийти на помощь.

Это были удивительные дни. Нас поднимали рано, завтрак девчата привозили в поле. Трудовой энтузиазм был такой, что первое время мы и затракали, не слезая с трактора. А завтрак — парное молоко в глиняном кувшине и крупно нарезанные ломтики деревенского хлеба, ароматного до невозможности! И снова трактор, послушный твоей воле, прет и прет многолемешный плуг, и с каждым витком ширится вспаханный клин, и представляешь себя не на стареньком тракторе, а на мощном танке, грозной боевой машине. И давишь ты колесами не сорняки и цветочки, а ненавистных фашистов...

Парадокс, но так было. Наголодавшись, я только в начале войны, надо же, смог поест не то что вволю — до отвала. На краях поля, которое мне досталось, располагались два полевых стана. И на каждом для механизаторов готовились обеды. Да какие обеды... Мне, конечно, было стыдно, но удержаться не мог, заезжал поест на оба стана. Бригадир это видел, однако не осудил намыкавшегося в городе подростка.

С чувством исполненного долга и с высоко поднятой головой вернулись мы с трудового фронта в город к началу учебного года. Пошел в школу, а в ней — военный госпиталь. А где школа? Говорят, на Гончаровской улице. Пошел туда. В здании ни души, спортзал до потолка завален партами, учебным годом и не пахнет. Это и стало основным доводом в разговоре с мамой. Я твердо заявил, что буду искать работу. Она долго молчала, потом кивнула седой головой и отвернулась.

(Продолжение следует.)

Аркадий Троепольский слева, рядом — Гога.